Женевские конвенции 1949 г. — решающий прорыв

(часть II)

Катрин Рей-Ширр

Основные результаты Дипломатической конференции

Какие же главные нововведения содержатся в Женевских конвенциях 1949 г. по сравнению с ранее существовавшим международным гуманитарным правом и с какими основными трудностями столкнулась Дипломатическая конференция?

Мы попытаемся ответить на эти вопросы при помощи краткого обзора четырех Конвенций: вначале остановимся на общих для них положениях, затем рассмотрим каждую Конвенцию в отдельности, и наконец — те статьи, которые непосредственно касаются МККК[95].

95 Желающим ознакомиться с подробным анализом Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. мы рекомендуем обратиться к «Комментарию», составленному Жаном Пикте при участии Роже Боппа, Анри Курсье, Клода Пийу, Жана де Пре, Жана-Пьерра Шенхользера, Фредерика Сиорде, Оскара М. Улера, Рене-Жана Вильгельма и контр-адмирала М. В. Мутона, 4 тома (Commentaire, Genève, CICR, 1952–1959) (далее — Commentaire). При написании данной части статьи мы использовали в основном Actes de La Conférence diplomatique de Genève de 1949 (Акты Дипломатической конференции 1949 г.), *op. cit.* (примечание 56), а также следующие труды: *G. I. A. D. Draper*. The Red Cross Conventions. London, Stevens & Sons Limited, 1958; *Joyce A. C. Gutteridge*. The Geneva Conventions of 1949. — The British Yearbook of International Law, vol. XXVI, 1949, pp. 294–326; *Paul de La Pradelle*, *op. cit*. (примечание 81); *Jean S. Pictet*. La Croix-Rouge et Les Conventions de Genève, *op. cit*. (примечание 46); *Jean Pictet*. The New Geneva Conventions for the Protection of War Victims. — American Journal of International Law, vol. 45, n° 3, July 1951, pp. 462–475; *Jean Pictet*. La formation du droit international humanitaire, *op. cit.* (примечание 47). Следует уточнить, что г-жа Гаттеридж и г-н де Ла Прадель, являясь членами делегаций Великобритании и Монако соответственно, участвовали в работе Дипломатической конференции.

Но предварительно мы хотели бы рассмотреть две проблемы общего характера, с которыми столкнулся МККК в самом начале подготовительных работ.

Первая касается методологического аспекта или юридической целесообразности: чему отдать предпочтение — детально разработанным кодексам, тщательно регламентирующим все возможные случаи, или конвенциям, которые ограничиваются основными принципами и позволяют регулировать отдельные вопросы при помощи специальных соглашений, заключаемых воюющими сторонами? МККК склонялся ко второму варианту. Он предпочитал заключение конвенций простого содержания, опасаясь, что слишком детально разработанные документы будет нелегко выполнять. Однако выбор остановили на первом варианте, поскольку делегаты Дипломатической конференции стремились разрешить раз и навсегда конкретные проблемы, с которыми столкнулись их государства во время Второй мировой войны. МККК попытался смягчить эту тенденцию, с одной стороны, добившись того, чтобы в первых статьях Конвенций были записаны основные и незыблемые принципы, касающиеся гуманного обращения, уважения и неотчуждаемости прав покровительствуемых лиц, а с другой — включив в приложения к Конвенциям тексты типовых соглашений и проекты положений[96].

Поднимался также вопрос о том, следовало ли разрабатывать для каждой категории покровительствуемых лиц отдельную конвенцию или подготовить единый документ, касающийся всех жертв войны и состоящий из нескольких частей. Учитывая сложность проблем, которые могло породить принятие второго варианта, на XVII Конференции Красного Креста было решено от него отказаться[97]. Однако не вызывает сомнения, что четыре Женевские конвенции составляют единое целое, о чем свидетельствуют общие для них положения.

1. Общие положения Женевских конвенций

Помимо общих принципов, касающихся гуманного обращения и неприкосновенности прав покровительствуемых лиц (о чем говори-

96 *Max Huber.* Principes, tâches et problèmes de la Croix-Rouge dans le droit des gens. — RICR, n° 310, octobre 1944, pp. 810–812. Discours de Max Huber Lors de L'ouverture de la Conférence d'experts gouvernementaux de 1947. — RICR, n° 340, avril 1947, pp. 285–286. Commentaire, vol. I, p. 11. *Jean Pictet, op. cit.* (примечание 47), pp. 11–12.

97 Dix-Septième Conférence internationale de la Croix-Rouge, Compte rendu, p. 73. *Gutteridge, op. cit.* (примечание 95), pp. 296–297.

лось выше), речь идет о положениях, помещенных в начале и в конце каждой Конвенции. Они посвящены вопросу уважения Конвенций, условиям их применения и мерам по их имплементации, таким как контроль за выполнением и пресечение нарушений. Некоторые из них заслуживают особого рассмотрения.

Применение Конвенций 1929 г. относилось исключительно к военному времени. В Конвенциях 1949 г. уточнялось, что речь идет о ситуациях, требующих применения Конвенций.

Так, в статье 2, общей, регулирующей международные вооруженные конфликты, говорится, что Конвенции применяются ко всем конфликтам между государствами «даже в том случае, если» одно из них «не признает состояния войны»[98]. Конвенции будут также применяться «во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления»[99]. А ведь в период Второй мировой войны многим лицам отказывали в предоставлении защиты, предусмотренной Конвенцией об обращении с военнопленными, поскольку удерживающая держава утверждала, что войны не было, или отказывалась признать за противником право выступать в качестве государства[100], в результате чего Конвенции нельзя было применять.

Но наиболее значительным успехом в этой области было принятие общей статьи 3, являющейся своего рода мини-конвенцией, в соответствии с которой стороны, принимающие участие в немеждународном вооруженном конфликте, обязуются уважать основные права человека.

Вопрос этот рассматривался в ходе одной из самых продолжительных и самых трудных дискуссий на Дипломатической конференции, потому что он самым непосредственным образом затрагивал национальный суверенитет государств. Настороженность отдельных участников объяснялась и тем, что многие представленные на Конференции государства сами сталкивались с проблемой гражданских войн, которые велись на их собственной территории или в их колониях.

98 Например, во время японско-китайского конфликта в 1937 г. обе стороны отрицали наличие состояния войны.

99 Это касается государств, захваченных, оккупированных или аннексированных Германией без ведения военных действий до и после начала Второй мировой войны.

100 Например, Польша, западная часть которой была включена в состав рейха в октябре 1940 г. (Германия не признавала польского правительства, находившегося в изгнании в Лондоне.)

Первоначально МККК предлагал, чтобы в ходе любых конфликтов немеждународного характера каждая из сторон в конфликте брала на себя обязательство применять положения Конвенций. XVII Международная конференция Красного Креста приняла это предложение, но предусмотрела в отношении Конвенции о военнопленных и Конвенции о гражданском населении дополнительное условие, в соответствии с которым неприятельская сторона также должна их соблюдать[101], кроме того, на Конференции не было сформулировано понятие гражданской войны.

Следует, однако, отметить, что в ходе подготовительных совещаний это понятие трактовали буквально, не включая в него внутренние беспорядки и ситуации напряженности внутри страны. На XVII Конференции этот вопрос поднимал в основном представитель Всемирного еврейского конгресса Герарт Ригнер. Ссылаясь на события в Германии, предшествовавшие Второй мировой войне, он высказал пожелание, чтобы будущие Женевские конвенции применялись, как правило, в период «чрезвычайных ситуаций, вызванных насилием или беспорядками, направленными против национальных, расовых и религиозных групп», или чтобы был разработан новый международный договор, касающийся такого рода ситуаций. Однако эти предложения не были приняты, поскольку существовало опасение, что, предусматривая слишком детальное толкование предлагаемого положения о гражданской войне, можно ослабить его значение или даже поставить под вопрос принятие самих Конвенций, если их действие распространить на такие непростые, с трудом поддающиеся определению ситуации[102].

На Дипломатической конференции сразу же встает вопрос, что следует понимать под «вооруженным конфликтом немеждународного характера». Делегации многих государств выступают если не против любого положения, касающегося гражданской войны, то, по крайней мере, против значительного расширения сферы применения Конвенций. Они опасаются, что такое расширенное толкование станет причиной получения горсткой повстанцев или просто бандитов статуса воюющей стороны, а то и законного признания.

101 Commentaire, vol. III, pp. 36–38. *Frédéric Siordet*. Les Conventions de Genève et la guerre civile. — RICR, n° 374, février 1950, p. 121.

102 С другой стороны, XVII Конференция приняла резолюцию, касающуюся проблемы политических заключенных как таковой, независимо от предложений по немеждународным вооруженным конфликтам. *Jacques Moreillon*. Le Comité international de la Croix-Rouge et la protection des détenus politiques. Genève — Lausanne, Institut Henry-Dunant — Éditions de l'Âge d'Homme, 1973, pp. 103–112.

Сторонники же документа, выработанного на Стокгольмской конференции Красного Креста, рассматривают его как смелый шаг. Они утверждают, что в случае, если повстанцы соблюдают нормы гуманитарного права, нельзя говорить о терроризме, анархии или хаосе.

Чтобы ограничить сферу применения Конвенций, вносятся различные предложения, содержащие ряд условий, которые должны соблюдаться той или иной стороной в конфликте. Противоречия обостряются настолько, что к приемлемому решению так и не приходят.

И все же решение было найдено благодаря французской делегации, которая предложила, чтобы во всех случаях немеждународных конфликтов применялись лишь принципы Женевских конвенций.

Положения, принятые на этой основе и включенные в статью 3, общую, излагаются следующим образом:

«1. Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью запрещаются и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

a) посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

b) взятие заложников;

c) посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение;

d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

2. Раненых и больных будут подбирать, и им будет оказана помощь. Беспристрастная гуманитарная организация, такая как Международный Комитет Красного Креста, может предложить свои услуги сторонам, находящимся в конфликте.

Кроме того, находящиеся в конфликте стороны будут стараться путем специальных соглашений ввести в действие все или часть остальных положений настоящей Конвенции.

Применение предшествующих положений не будет затрагивать юридического статуса находящихся в конфликте сторон».

Не вызывает сомнения, что если бы в статье 3 не было этой последней фразы, ее бы никогда не приняли.

Содержание этой статьи не соответствует предложенному МККК первоначальному проекту, который предусматривал применение Конвенций в полном объеме. Однако она значительно расширяет сферу их применения, так как ее действие распространяется на все немеждународные конфликты. Поскольку у проекта МККК не имелось никаких шансов получить одобрение государств и нужно было остановиться, за неимением лучшего, на промежуточном решении из вариантов статьи 3, подготовленных на Конференции, МККК счел необходимым отдать предпочтение вышеприведенному тексту[103].

Включение такого рода статьи в международную конвенцию явилось для того времени важным нововведением[104], которое тем не менее соответствовало Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1948 г., и подтверждало современное направление развития международного права, признающего, что вопрос соблюдения основных прав личности уже вышел за рамки исключительно национальной юрисдикции государств[105].

Что касается контроля за применением Конвенций, то Конвенция о военнопленных 1929 г. уже предусматривала возможность прибегать к услугам Держав-покровительниц (статья 86). Это положение оказалось полезным во время войны, но выявились и определенные недостатки: не только ни одна договорная норма не разрешала Державам-покровительницам действовать в интересах гражданских лиц, подданных неприятельского государства или находящихся на оккупированных территориях, но и многие военнопленные не пользовались

103 Commentaire, vol. 4, pp. 39–40.

104 Дрейпер, не колеблясь, называет статью 3 «революционной» в связи с тем, что Высокие Договаривающиеся Стороны, то есть государства, признают ограниченный законный статус за группами повстанцев, которые *de jure* будут противостоять правительству в ходе вооруженного конфликта. *Op. cit.* (примечание 95), p. 102. См. также *Siordet, op. cit.* (примечание 101), p. 105.

105 *Gutteridge, op. cit.* (примечание 95), p. 301.

услугами Державы-покровительницы, которая могла бы защитить их интересы во время Второй мировой войны. Ведь для того, чтобы эта система эффективно действовала, необходимо существование признанных правительств. А отказ Германии признать существование многих правительств в изгнании, равно как и отсутствие какого-либо правительства в Германии после капитуляции, привели к тому, что большое число жертв войны оказались лишенными защиты со стороны Державы-покровительницы. Поэтому МККК считал чрезвычайно важным, чтобы все Конвенции предусматривали осуществление контроля за их соблюдением со стороны Держав-покровительниц, а также процедуру замены последних в случае невозможности выполнения ими своих обязанностей, с тем чтобы жертвы конфликта не были лишены защиты.

Содействие Держав-покровительниц в осуществлении контроля за применением правовых норм предусматривается четырьмя Женевскими конвенциями (статьи 8, 8, 8, 9)[106]. В Конвенциях также говорится, что если на покровительствуемых лиц не распространяется или перестала распространяться деятельность Державы-покровительницы, удерживающая держава должна обратиться к нейтральному государству или организации, представляющей полную гарантию беспристрастности, с просьбой принять на себя функции, выполняемые Державами-покровительницами. Если не удастся осуществить покровительство указанным образом, удерживающая держава должна обратиться с просьбой к какой-либо гуманитарной организации, такой как, например, МККК, взять на себя выполнение гуманитарных функций, возлагаемых на Державы-покровительницы, или принять предложение услуг, сделанное такой организацией (статьи 10, 10, 10, 11). Расширяя круг организаций, которые могли бы выполнять эти функции, предполагали, что государства будут с большей готовностью соглашаться с деятельностью того или иного субститута Держав-покровительниц[107].

Что же касается пресечения нарушений, то события Второй мировой войны убедили МККК в том, что в новых Конвенциях этому вопросу следует посвятить целую главу.

106 Указаны статьи I, II, III и IV Конвенций соответственно.

107 Однако эти надежды не оправдались, поскольку к услугам Держав-покровительниц и их субститутов прибегали крайне редко. К этому вопросу вернутся при разработке текста Дополнительного протокола I от 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. См.: *Bugnion, op. cit.* (примечание 2), pp. 1041–1060.

В Конвенции о раненых и больных 1929 г. содержалось положение, в котором говорилось, что Высокие Договаривающиеся Стороны «примут или предложат своим законодателям (...) принять необходимые меры для пресечения в военное время всех действий, противоречащих положениям настоящей Конвенции» (статья 29). Однако это положение «не работало», так как большинство государств недостаточно активно осуществляли законодательную деятельность в этой области. Кроме того, этого положения не было в Конвенции о военнопленных 1929 г., которую неоднократно нарушали в ходе последней мировой войны.

Как уже отмечалось, выполняя 23 резолюцию XVII Международной конференции Красного Креста, МККК пригласил в декабре 1948 г. в Женеву нескольких международных экспертов для углубленного рассмотрения данного вопроса. На этом совещании был разработан проект четырех новых статей, которые должны были войти в каждую из четырех Женевских конвенций[108].

На Дипломатической конференции делегация США при поддержке большого числа делегаций других стран отказывается принять за основу эти предложения МККК. Поскольку правительства ознакомились с ними незадолго до начала работы Конференции, эти делегации ссылаются на отсутствие соответствующих указаний от своих правительств. Тогда делегация Нидерландов решает от своего имени официально внести эти предложения на рассмотрение Конференции[109].

Продолжительные дебаты завершаются принятием общей для четырех Женевских конвенций 1949 г. статьи (статьи 49, 50, 129, 146), которая закрепляет обязательство для Высоких Договаривающихся Сторон включать во внутригосударственное законодательство положения этих Конвенций. В данной статье говорится, что государства-участники должны «ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить» указанные в последующих статьях серьезные нарушения Конвенций. «Каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений, и, каково бы ни было их гражданство, передавать их своему

108 Об этих статьях говорится на с. 18–23 брошюры «Remarques et Propositions du Comité international de La Croix-Rouge» («Замечания и предложения Международного Комитета Красного Креста»), подготовленной для участников Дипломатической конференции.

109 Протоколы заседаний от 5 мая и 23 июня 1949 г. Президентского совета, Архив МККК.

суду». Она может также «в соответствии с положениями своего законодательства» передать их для суда другой заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороне.

Причем обвиняемые лица будут пользоваться гарантиями надлежащей судебной процедуры.

В проекте МККК содержались и более значительные нововведения: например, предлагалось квалифицировать серьезные нарушения как «преступления по международному праву» и выносить эти дела на рассмотрение международного судебного органа, который предстояло учредить и компетенцию которого должны были бы признать государства-участники[110]. Однако многие делегации отвергали эти предложения, поскольку считали, что Дипломатическая конференция не должна разрабатывать нормы международного уголовного права или вмешиваться в работу, проводимую Комиссией международного права ООН в этой области[111].

Но созданная новая система, предусматривающая универсальную юрисдикцию в отношении серьезных нарушений, является все же большим шагом вперед, даже если она и позволяет национальным судебным органам пресекать указанные нарушения и если выдача обвиняемых лиц регулируется внутренними законами удерживающего их государства. Однако в том случае, если выдача такого лица не может состояться, государство, во власти которого оно находится, должно передать его дело в свой суд[112].

110 Следует отметить, что организовать международный уголовный суд впервые предложил Гюстав Муанье, один из создателей МККК, руководивший этой организацией с 1864 по 1910 г., см. *Кристофер Кейт Холл*. Первый проект постоянного уголовного суда. — МЖКК, № 20, март 1998, с. 69–90. Устав Международного уголовного суда был принят 17 июля 1998 г. на Дипломатической конференции в Риме. МККК активно участвовал в ее работе, он предложил перечень военных преступлений, состоящий из трех частей (серьезные нарушения четырех Женевских конвенций, другие серьезные нарушения международного гуманитарного права и серьезные нарушения, совершенные в период немеждународных вооруженных конфликтов), которые, по его мнению, должны входить в компетенцию Суда. Конференция учла эти предложения, в особенности предложение включить в юрисдикцию Суда преступления, совершенные в ходе внутренних конфликтов. Одна из первых оценок Статута Международного суда дана в статье: *Мари-Клод Роберж*. Новый Международный уголовный суд. Предварительная оценка. — МЖКК, № 23, декабрь 1998, с. 797–811.

111 Этим объясняется использование в Конвенциях 1949 г. выражения «серьезные нарушения» вместо термина «военные преступления». См. *Gutteridge, op. cit.* (примечание 95), pp. 304 et suiv. Actes 1949, II B, 10e et 11e séance de la Commission mixte, pp. 31–32; 29e séance du Comité special de la Commission mixte, p. 81; Quatrième Rapport du Comité special à la Commission mixte, pp. 109–113; Rapport de la Commission mixte à l'Assemblée plénière, p. 127.

112 Commentaire, vol. III, pp. 657–658. *Draper, op. cit.* (примечание 95), p. 22. С большим сожалением следует констатировать, что обязательство преследовать в судебном порядке лиц, подозреваемых в совершении серьезных нарушений, практически не соблюдается.

2. I и II Женевские конвенции (раненые, больные и лица, потерпевшие кораблекрушение)

Конвенция, заключенная в 1864 г., стала Конвенцией 1949 г.; в ней закреплен основополагающий принцип, в соответствии с которым раненые и больные военнослужащие должны пользоваться уважением и получать уход без какой-либо дискриминации по причине их национальности. В связи с этим под защитой находятся передвижные и военные госпитали, а также медицинский персонал. Отличительная эмблема красного креста на белом фоне является видимым знаком такой неприкосновенности.

Конвенция уже подвергалась пересмотру в 1906 г. и 1929 г. В третий раз это произошло в 1949 г. Но речь не идет о коренной переделке документа. За исключением новых положений, общих для четырех Женевских конвенций, в ней сохраняются основные нормы, которые уточняются и приводятся в соответствие с новыми методами и средствами ведения войны.

Главное изменение касается медицинского персонала, статус которого давал право на особо благоприятное обращение. Так, в соответствии с Конвенцией 1929 г. с лицами из состава этого персонала, равно как и духовного персонала, оказавшимися во власти неприятеля, нельзя обращаться как с военнопленными (статья 9). Их запрещается держать в плену, а следует (за исключением других мер, предусмотренных специальными соглашениями) передавать той воюющей стороне, за которой они числятся (статья 12).

Однако Вторая мировая война показала, как нелегко применять эти положения. Многочисленность пленных и продолжительность плена требовали, чтобы удерживалось определенное число специалистов-медиков и священнослужителей, которые могли бы оказывать помощь своим соотечественникам.

Участники Совещания экспертов высказали две точки зрения по этому вопросу. Одни считали, что захваченный в плен медицинский персонал в полном составе следует приравнять к военнопленным, другие выступали за то, чтобы сохранить его традиционную неприкосновенность, а удержание лиц из состава этого персонала производить в исключительных случаях.

Чтобы положить конец этому спору, Дипломатическая конференция принимает компромиссное решение, не лишенное двусмысленности: в статье 28 Конвенции I от 1949 г. говорится, что лица, принадлежащие

к медицинскому персоналу, и священнослужители, попавшие в плен, будут «задерживаться лишь в той мере, в какой этого будут требовать санитарное состояние, духовные потребности и количество военнопленных». Эти лица «не будут считаться военнопленными. Однако они будут пользоваться, по меньшей мере, преимуществами всех положений» Конвенции III об обращении с военнопленными. Предусмотрены и другие льготы, направленные на то, чтобы облегчить выполнение ими своих медицинских и духовных обязанностей. В этой статье говорится, наконец, что «стороны, находящиеся в конфликте, договорятся по поводу возможной смены задержанного персонала и установят порядок этой смены».

Что же касается защиты гражданского населения, оказывающего помощь раненым и больным, то в Конвенциях 1949 г. эта защита была усилена.

В Конвенции 1929 г. говорится, что «военные власти могут обращаться с призывом к человеколюбию местных жителей подбирать и ухаживать под их контролем за ранеными или больными из числа военнослужащих, предоставляя лицам, отозвавшимся на этот призыв, необходимое покровительство и льготы» (статья 5). В соответствующей статье (статья 18) пересмотренной Конвенции содержится дополнительное положение о том, что «военные власти должны разрешать населению и благотворительным обществам, даже в районах вторжения или оккупированных районах, по собственному почину подбирать раненых и больных, независимо от национальности, и ухаживать за ними». Это важное положение — оно не позволяет оставлять без помощи военнослужащих, прыгнувших с парашютом, или же участников сопротивления. Во время Второй мировой войны часто запрещалось оказывать помощь этим категориям лиц под страхом самого жестокого наказания.

Кроме того, в Конвенциях 1929 г. содержится очень мало ссылок на Красный Крест как на организацию, оказывающую помощь. В новых Конвенциях эти пробелы были восполнены, и национальные общества, равно как и МККК, получили более надежную юридическую базу для обоснования своей деятельности.

Среди других нововведений следует указать следующие: возможность создавать при помощи соглашений, заключенных между сторонами, санитарные зоны и местности, организованные таким образом, чтобы оградить от военных действий раненых и больных, а также персонал, на который возложены уход за этими лицами и управление этими

зонами (статья 23 и проект типового соглашения, текст которого приводится в приложении к Конвенции); пересмотр статей, касающихся санитарной авиации, в соответствии с которыми защита предоставляется ей на более строгих условиях, с тем чтобы предупредить злоупотребления, имевшие место во время Второй мировой войны; наконец, в Конвенции I уточняются права и обязанности нейтральных государств, касающиеся, с одной стороны, их деятельности по оказанию помощи на территории воюющих сторон, а с другой — отношения к покровительствуемым лицам (медицинский персонал, раненые и больные), которые могут оказаться на их собственной территории.

Что касается II Женевской конвенции 1949 г., то она берет начало в Конвенции о применении к морской войне гуманитарных принципов, сформулированных для сухопутной войны, принятой в Гааге в 1899 г., и тесно связана с Женевской конвенцией I. Конвенция, принятая в Гааге, пересматривалась в 1907 г., в 1929 г. она не претерпела никаких изменений, а это означало, что она подлежала коренной трансформации.

Отсутствие современных средств обозначения, позволяющих опознавать объекты с большого расстояния, явилось, по-видимому, причиной большинства нападений, которым подвергались госпитальные суда во время Второй мировой войны[113]. Ведь в 1907 г. военной авиации не существовало. Поэтому Дипломатическая конференция постаралась усовершенствовать систему обозначения госпитальных судов.

Подробное обсуждение в данной работе Конвенции II, число статей в которой значительно возросло и составило 63 (в X Гаагской конвенции 1907 г. насчитывалось только 28 статей) — на одну меньше, чем в I Женевской конвенции 1949 г., заняло бы слишком много места. Теперь в ней содержится практически столько же статей, сколько и в Конвенции, касающейся сухопутной войны; строго выдержан такой же порядок расположения статей.

Следует, однако, отметить, что принцип, согласно которому медицинский персонал не подлежит взятию в плен, сохранен в этой Конвенции в значительно большей степени, поскольку такой персонал является неотъемлемой частью госпитальных судов.

Некоторые участники Конференции считали, что I Женевская конвенция 1949 г. представляла собой шаг назад в международном гумани-

113 Rapport d'activité du Comité international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la Seconde Guerre mondiale, *op. cit.* (примечание 4), vol. I, pp. 213–214.

тарном праве, поскольку в ней закреплялся принцип удержания в плену медицинского персонала, а также она не содействовала развитию санитарной авиации[114]. Другие утверждали, что было бы невозможно добиваться иного. На самом деле Дипломатическая конференция проявила прагматический подход, не желая сохранять или разрабатывать неприменимые нормы[115].

Несмотря на то что по вопросу, носящему общий характер, относительно единства и множественности эмблем решения принято не было, он все же рассматривался на Дипломатической конференции при обсуждении проектов статей Конвенций I и II об отличительной эмблеме.

От правила о единстве эмблемы, включенного вначале в Конвенцию 1864 г., а затем в Конвенцию 1906 г., официально отступили на Дипломатической конференции 1929 г.[116], на которой в качестве отличительных знаков были утверждены эмблемы красного полумесяца и красного льва и солнца на белом фоне для стран, в которых они уже использовались (статья 19 Конвенции о больных и раненых 1929 г.).

В ходе подготовительных совещаний рассматривалась возможность возврата к использованию только одной эмблемы красного креста как знака, гарантирующего более эффективную защиту. Но поскольку согласия по этому вопросу достигнуто не было, XVII Международная конференция Красного Креста не утвердила изменения, которые можно было внести в статью 19.

На Дипломатической конференции 1949 г.[117] делегация государства Израиль, созданного незадолго до созыва Конференции, начинает дискуссию, предлагая внести поправку в текст Конвенций и признать еще один знак — красный щит Давида, который использовали в качестве

114 Благодаря наличию современных сложных технических средств опознавания и использованию вертолетов для эвакуации раненых Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г. смог вновь возродить принцип неприкосновенности санитарной авиации.

115 Commentaire, vol. I, p. 16.

116 Уже в 1876 г. Турция, участвовавшая тогда в войне на Балканах, уведомила Федеральный совет Швейцарии, что ее медицинская служба будет использовать красный полумесяц вместо красного креста, так как «природа этого знака ранила религиозные чувства солдата-мусульманина». Впоследствии признания эмблемы красного льва и солнца потребовала Персия.

117 Желающим подробнее ознакомиться с ходом обсуждения рекомендуем обратиться к Actes 1949, II A, pp. 87–90, 145–146, II B, pp. 215–224, 248–255, 391, а также к с. 43–66 работы *Франсуа Бюньона* «Эмблема Красного Креста. Краткая история», опубликованной в сборнике статей и документов «Эмблема. История и современность». Москва, МККК, 1998.

отличительной эмблемы медицинская служба израильских вооруженных сил и Израильское национальное общество[118]. Однако израильский представитель заявляет о готовности снять свое предложение при условии, что в праве на существование будет отказано и другим дополнительным эмблемам, принятым в качестве исключения.

Представители других государств, в частности Нидерландов[119], предлагают новые эмблемы, которые, по мнению их сторонников, являются нейтральными и не имеют никакого религиозного содержания. Альтернативные предложения вносят также МККК[120] и делегация Индии, поддержанная представителем Бирмы[121]. МККК настаивает на том, что знак красного креста является эмблемой, которой придали международный и нейтральный характер, и что он не имеет религиозного содержания, так как принцип Красного Креста — помогать всем страдающим, независимо от национальности и вероисповедания[122].

В заявлении, сделанном на пленарном заседании, Президент МККК Пауль Рюггер предостерегает против опасности, которую представляет увеличение числа защитных знаков: «Если нынешняя Конференция признает новые символы, она откроет путь другим исключениям в будущем. Возрастающая утрата своего смысла символом, означающим помощь жертвам войны, станет настоящей катастрофой, поскольку на карту поставлена защита человеческой жизни». Он также подчеркивает «преимущества единого символа Красного Креста на случай, если бы решили вернуться к прошлому», и не рекомендует принимать новую эмблему геометрической формы. Он высказывает также опасение, что увеличение числа символов приведет к ослаблению универсального значения

118 Текст поправки гласил: «Однако странам, в которых вместо красного креста в качестве отличительного знака уже используются красный полумесяц или красный лев и солнце на белом фоне или красный щит Давида на белом фоне, разрешается использовать эти эмблемы по смыслу настоящей Конвенции» (Actes 1949, III, annexe 42, p. 40).

119 Нидерландский делегат предлагает заменить красный крест на красное стилизованное сердце в форме треугольника, один из углов которого смотрит вниз.

120 Remarques et propositions, pp. 15–17; Actes 1949, II A, p. 88.

121 В проекте резолюции, предложенном Индией, государствам-участникам рекомендуется создать орган, который должен рассмотреть вопрос об эмблеме красного креста и других уже используемых знаках, а также об иных предлагаемых эмблемах, и изучить возможность создания нового знака геометрической формы, не имеющего какого-либо религиозного, культурного и иного содержания. Actes 1949, II B, p. 223.

122 О позиции по этому вопросу, которую в то время занимал МККК, см.: *Jean S. Pictet*. Le signe de la croix-rouge. — RICR, n° 363, mars 1949, pp. 167–201.

не только эмблемы, но и самого названия «Красный Крест»[123]. Делегация Швейцарии, со своей стороны, приводит аргумент эффективности эмблемы красного креста: «Лучшей эмблемой окажется та эмблема, которая обладает наибольшей защитной силой. (...) Будут ли соблюдены интересы [жертв конфликтов], если отказаться от эмблемы красного креста или ослаблять ее защитную функцию, постоянно лишая эту эмблему ее значения единственного и универсального символа? (...) Преимущества, которые представляет для всех сохранение всеми признанной эмблемы, не допускающее новых исключений, помимо существующих в настоящее время, превосходят для каждого государства те преимущества, которые оно могло бы получить, используя новую эмблему»[124].

В конечном счете принимается эта точка зрения. Предложение израильской делегации отклоняется — вначале в Комитете I, затем дважды на пленарном заседании. Также отклоняется предложение, выдвинутое делегацией Индии, заключающееся, в частности, в том, чтобы рассмотреть вопрос об использовании в качестве новой эмблемы знака геометрической формы. Несмотря на явное нежелание некоторых стран использовать красный крест и надеясь, что все-таки будет найдено решение, позволяющее восстановить единство эмблемы, Дипломатическая конференция подтверждает существующий порядок ее использования. Она отклоняет новые символы из опасения создать новый прецедент и еще в большей степени подорвать единство эмблемы.

Подписывая 8 декабря 1949 г. четыре Женевские конвенции, делегация Израиля сделает оговорку в отношении Конвенций I, II и IV: уважая принцип неприкосновенности предусмотренных этими Конвенциями отличительных знаков и эмблем, Израиль будет использовать эмблему красного щита Давида[125].

123 Actes 1949, II B, Compte rendu de la 9e séance plénière, pp. 215–217. Текст заявления президента МККК приводится также в RICR, n° 368, août 1949, pp. 627–630. С тех пор точка зрения МККК несколько изменилась. Он считает, что появление, наряду с красным крестом и красным полумесяцем, новой эмблемы (после того как Иран отказался от эмблемы красного льва и солнца, этот символ больше не используется) имеет большие преимущества и что этот вопрос заслуживает пристального внимания. См.: *Cornelia Sommaruga*. Unité et pluralite des emblèmes. — RICR, n° 796, juillet—août 1992, pp. 347–352. С 1995 г. этот вопрос снова рассматривается членами Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

124 Actes 1949, II B, pp. 221–222.

125 Actes 1949, I, p. 342. Это не позволит МККК официально признать Израильское общество Красного Щита Давида (Magen David Adom), поскольку оно не удовлетворяет одному из условий признания новых национальных обществ: чтобы быть признанным в качестве

3. III Женевская конвенция (об обращении с военнопленными)

Во время конфликтов, когда применялась Конвенция 1929 г. о военнопленных[126], эффективная защита предоставлялась миллионам людей, в том числе лицам, оказавшимся в плену в годы Второй мировой войны. Однако и те, кто пользовался предоставляемой ею защитой, и те, кто отвечал за ее применение, считали, что отдельные положения этой Конвенции следовало пересмотреть.

Это касалось прежде всего определения категорий лиц, на которых распространялось действие Конвенции. Необходимо было сделать уточнения, чтобы снять появившиеся на этот счет сомнения.

В тех положениях Конвенции 1929 г., в которых говорилось о статусе воюющих сторон, категории покровительствуемых лиц указывались при помощи простой отсылки к трем первым статьям Положения, прилагаемого к IV Гаагской конвенции 1907 г. В Конвенции же 1949 г. категории лиц, находящихся под ее защитой, перечисляются в статье 4.

К ним относятся «партизаны»[127], которым во время войны часто отказывали в статусе воюющей стороны. Вопрос был решен благодаря тому, что движения сопротивления стали приравнивать к ополчениям и добровольческим отрядам, не входящим в состав вооруженных сил стороны в конфликте, при условии, что эти движения удовлетворяют четырем условиям, перечисленным в статье 1 Гаагского положения: имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; имеют опре-

национального общества, оно должно «использовать название и эмблему красного креста или красного полумесяца согласно Женевским конвенциям». Статус-кво, сохраненный на Дипломатической конференции 1949 г., имел отрицательные последствия, так как под сомнение ставились принципы единства и универсальности Красного Креста. См. по этому вопросу *François Bugnion.* L'emblème de la croix rouge et celui du croissant rouge. — RICR, n° 779, septembre—octobre 1989, pp. 424–435.

126 Следует напомнить, что СССР и Япония не ратифицировали Конвенцию 1929 г. об обращении с военнопленными и, следовательно, не были ее участниками. В результате, несмотря на меры, принятые МККК для того, чтобы исправить такое положение, эта Конвенция или вообще не применялась в период конфликтов, имевших место в Восточной Европе (конфликт между Польшей и СССР в сентябре 1939 г., советско-финляндская война в 1939–1940 г., война между государствами оси и СССР в 1941–1945 г.), или применялась в весьма ограниченном объеме в ходе боевых действий на Дальнем Востоке.

127 Например, во Франции — бойцы, сражавшиеся на стороне генерала де Голля; участники Итальянского движения Сопротивления (после заключенного П. Бадольо перемирия в сентябре 1943 г.); польские, словацкие и югославские партизаны (см.: Rapport du Comite international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la Seconde Guerre mondiale, vol. I, pp. 538–558).

деленный и явственно видимый издали отличительный знак; открыто носят оружие; соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны[128]. Допускается также, что эти движения могут действовать на оккупированной территории, что является нововведением.

С учетом военного опыта к покровительствуемым лицам стали также относить личный состав вооруженных сил, считающий себя в подчинении правительства или власти, не признанной держащей в плену державой; членов экипажей судов торгового флота и гражданской авиации, оказавшихся во власти неприятельской стороны; демобилизованных военнослужащих, находящихся на оккупированной территории, задержанных оккупирующей державой в связи с их принадлежностью к вооруженным силам оккупированной страны, особенно когда эти лица безуспешно пытались присоединиться к вооруженным силам, к которым они принадлежат.

В Конвенции 1929 г. не содержалось ни одного положения, касающегося ответственности в случае передачи военнопленных одной державой другой державе. В Конвенции же 1949 г. уточняется, что держащая в плену держава не может передавать военнопленных державе, которая не является участницей Конвенции. Она должна заранее удостовериться в желании и способности державы, которой передаются военнопленные, применять Конвенцию. Если эта держава не будет выполнять свои обязательства, держава, которая передала военнопленных, должна принять эффективные меры для исправления положения или потребовать возвращения военнопленных (статья 12).

Еще одно важное изменение касалось освобождения и репатриации военнопленных по окончании военных действий. В Конвенции 1929 г. предусматривалось, что по возможности репатриация должна происходить сразу же после заключения перемирия и во всех случаях незамедлительно после заключения мира (статья 75). Однако для некоторых держав Вторая мировая война закончилась без заключения перемирия или мирного договора, и многие военнопленные продолжали оставаться в плену после ее окончания[129]. Поэтому в статье 118 Конвенции 1949 г. записали, что «военнопленные освобождаются и репатриируются тот-

128 Поскольку было сочтено, что эти условия носят слишком ограничительный характер (см.: *Draper, op. cit.* (примечание 95), pp. 39–40), их несколько смягчили при принятии Дополнительного протокола I от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

129 Rapport d'activité du Comité international de la Croix-Rouge sur son activité pendant la Seconde Guerre mondiale, vol. I, pp. 409–417.

час же по прекращении военных действий». В ней также уточняется, что при отсутствии соглашения о прекращении военных действий «каждая из держащих в плену держав сама составит и незамедлительно выполнит план репатриации». Этим самым данной статье был придан односторонний характер, с тем чтобы избежать задержек в проведении репатриации при отсутствии соглашения между сторонами. На Совещании правительственных экспертов МККК тщетно пытался обратить внимание его участников на случаи насильственной репатриации военнопленных, а также на просьбы военнопленных репатриироваться не в свою страну происхождения, а в другое государство. В ходе Дипломатической конференции делегация Австрии снова подняла этот вопрос, но в конечном счете рассматривать его не стали[130].

В целом различные аспекты содержания в плену военнопленных рассматриваются в Конвенции 1949 г. более подробно (места интернирования, лагеря и вопросы безопасности; помещения и питание; гигиена и медицинская помощь; религия, интеллектуальная и физическая деятельность; дисциплина; работа; денежные средства; сношения с внешним миром; взаимоотношения пленных с властями; уголовные и дисциплинарные наказания).

Что касается уголовных наказаний, то в статью 85 Конвенции 1949 г. была включена совершенно новая норма, в соответствии с которой «военнопленные, подвергающиеся преследованию в силу законодательства держащей в плену державы за действия, совершенные ими до взятия в плен, пользуются покровительством настоящей Конвенции даже в случае их осуждения». Эта статья стала предметом ожесточенных споров на Дипломатической конференции, поскольку СССР и его союзники желали, чтобы осужденные военные преступники не пользовались покровительством Конвенции и чтобы их постигла такая же участь, какую держащая в плену держава уготовила для уголовных преступников. Однако возобладала другая точка зрения: даже военнопленные, осужденные за военные преступления, должны пользоваться предоставляемыми Конвенцией гарантиями, которые, впрочем, соответствуют минимальным пенитенциарным нормам, принятым цивилизованными

130 Commentaire, vol. III, pp. 570–579. С тех пор, учитывая тенденцию развития конфликтов, а также тот факт, что международное право характеризуется усилением защиты основных интересов человеческой личности, МККК занял на практике и в теоретических разработках позицию, в соответствии с которой он отказывается участвовать в любой операции по репатриации, проводимой насильственным путем.

странами. Учли также и тот факт, что национальное законодательство государств однозначно допускает, не исключая применения соответствующего наказания, чтобы правонарушитель находился под покровительством этого законодательства[131].

4. IV Женевская конвенция (защита гражданского населения)

Новая Конвенция о защите гражданского населения во время войны, включающая 159 статей, является еще более объемной, чем Конвенция о военнопленных, насчитывающая 143 статьи. Она состоит из двух основных разделов.

Первый раздел посвящен общей защите населения от некоторых последствий войны. Его положения применяются ко всему гражданскому населению стран, участвующих в конфликте, то есть не только к иностранным гражданам, находящимся на территории одного из воюющих государств, но и к самим гражданам этих государств, а также к гражданскому населению оккупированных территорий. Эти положения предусматривают решение конкретных вопросов, таких как создание безопасных зон, защита раненых и больных, а также больниц и медицинского персонала, доставка медикаментов, специальные меры по защите детей и установлению связей между членами разлученных семей.

Как и I Конвенция, Женевская конвенция IV предусматривает создание санитарных и безопасных зон (статья 14), предназначенных для того, чтобы оградить от нападений с земли или воздуха раненых и больных, престарелых, детей, беременных женщин и матерей малолетних детей, а также создание нейтрализованных зон в районах, где идут бои (статья 15), для защиты раненых и больных комбатантов или некомбатантов, а также гражданских лиц, не участвующих в военных действиях. Однако создание этих зон носит не обязательный, а факультативный характер и должно быть предметом соглашения между сторонами в конфликте, которые могут применять с этой целью положения проекта типового соглашения, приложенного к Конвенции.

Кроме того, действие наиболее важных положений I Конвенции теперь распространяется и на раненых и больных из числа гражданских лиц. Гражданские больницы, которые признаются таковыми государ-

131 Actes 1949, II A, p. 557. Однако при подписании Конвенции СССР и его союзники сделали соответствующую оговорку. См.: Actes 1949, I, p. 350; *Claude Pilloud.* Les réserves aux Conventions de Genève de 1949. — RICR, n° 464, août 1957, pp. 427–432.

ством, находятся под защитой и могут обозначаться при помощи отличительной эмблемы (статья 18). Персонал этих больниц также пользуется покровительством Конвенции и имеет право на ношение нарукавных повязок (статья 20).

Для того чтобы уменьшить лишения, вызванные блокадой, государства-участники Конвенции должны обеспечивать, при соблюдении определенных условий, свободный пропуск посылок с медицинскими и санитарными материалами, предназначенными для гражданского населения (статья 23). Специальные меры предусмотрены в отношении детей и сирот (статья 24). Наконец, всем лицам предоставляется право сообщать членам своей семьи и получать от них сведения семейного характера; стороны в конфликте должны также облегчать розыск членов разлученных войной семей с целью их воссоединения (статьи 25 и 26).

Во второй раздел включены основные положения Конвенции, они регулируют статус иностранных граждан на территории находящейся в конфликте стороны и статус гражданского населения на оккупированной территории. Но некоторые принципы применимы одновременно к обеим категориям населения. Поэтому раздел состоит из трех частей: общие положения; положения, касающиеся иностранцев на территории стороны в конфликте; положения, касающиеся оккупированных территорий. Имеются еще две дополнительные части, в которых говорится об обращении с интернированными и о Центральном справочном агентстве.

Общие положения предусматривают, что «покровительствуемые лица имеют право при любых обстоятельствах на уважение к их личности, чести, семейным правам, религиозным убеждениям и обрядам, привычкам и обычаям. С ними будут всегда обращаться гуманно (...) без какой-либо дискриминации, в частности по причинам расы, религии или политических убеждений» (статья 27). Тем не менее в заключительной части этой статьи говорится о мерах контроля и обеспечения безопасности, которые могут оказаться необходимыми вследствие войны. Но эта оговорка не означает возврата к произволу со стороны государства и не аннулирует основные запреты, содержащиеся в гуманитарных принципах Конвенции[132]. В последующих статьях специально оговаривается строгий запрет на меры принуждения (статья 31), «какие-либо меры, могущие причинить физическое страдание или привести к унич-

132 Actes 1949, Rapport de la Commission III à l'Assemblée plénière, II A, p. 805.

тожению покровительствуемых лиц», пытки и не вызванные необходимостью врачебного лечения медицинские опыты (статья 32), коллективные наказания, ограбление и репрессалии (статья 33), взятие заложников (статья 34).

Что касается положения иностранцев на территории находящейся в конфликте стороны, которому посвящается часть II, то за ними признается право покинуть эту территорию в начале или во время конфликта, если это не противоречит государственным интересам страны. Решение должно выноситься по просьбе заинтересованного лица в установленном порядке; лица, получившие отказ в разрешении покинуть территорию, имеют право на пересмотр такого отказа специально созданным для этого судом или административным органом. Распоряжение об интернировании или принудительном поселении покровительствуемых лиц в определенном месте может быть дано только в том случае, если это совершенно необходимо для безопасности державы, во власти которой они находятся (статья 42); в таком случае покровительствуемое лицо имеет также право на пересмотр этого решения надлежащим судом или соответствующим административным органом (статья 43).

Как уже отмечалось, в части III содержатся положения, касающиеся населения оккупированных территорий. Они позволяют заполнить пробелы, характерные для Положения, приложенного к IV Гаагской конвенции, которые стали особенно очевидны в результате оккупации Германией многих европейских стран во время Второй мировой войны. Говоря об основных принципах, следует отметить, что строго запрещается депортировать покровительствуемых лиц с оккупированной территории. Перемещение населения в границах оккупированного района разрешается только как временная мера, если этого требует безопасность населения или особо веские соображения военного характера. Оккупирующая держава не может перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию (статья 49). Воспрещается также всякое уничтожение движимого или недвижимого имущества (статья 53). В этой же части Конвенции определяются права и обязанности оккупирующей державы в следующих областях: работа (покровительствуемые лица не могут принуждаться к службе в вооруженных силах или к выполнению какой-либо работы, которая вынудит их принимать участие в военных действиях), снабжение продуктами питания, здравоохранение, уголовное законодательство (уголовное законодательство оккупированной территории остается в силе, за исклю-

чением тех случаев, когда оно представляет собой угрозу безопасности оккупирующей державы), уголовно-процедурные вопросы. Что касается последнего пункта, судебные органы оккупирующей державы не могут выносить ни одного приговора без рассмотрения дела в установленном процессуальном порядке (статья 71); смертный приговор может выноситься только при совершении серьезных правонарушений и только при условии, что законодательство оккупированной территории, действовавшее до начала оккупации, предусматривало смертную казнь в подобных случаях (статья 68); ни один смертный приговор не будет приводиться в исполнение до истечения, по крайней мере, шестимесячного срока (статья 75). Наконец, оккупирующая держава сможет прибегнуть к интернированию покровительствуемых лиц или к их принудительному поселению в определенном месте только по настоятельным соображениям безопасности и при соблюдении установленной процедуры (статья 78).

В части IV содержатся нормы (статьи 79–135), разработанные по примеру положений, применяемых к военнопленным, и касающиеся обращения с интернированными покровительствуемыми гражданскими лицами, независимо от причин их интернирования.

В части V, последней, для сбора и передачи сведений о гражданских лицах предусматривается создание Центрального справочного агентства, которое может быть организовано МККК и которое, возможно, будет тем же агентством, где собираются сведения о военнопленных.

МККК ожидал, что сам принцип разработки Конвенции, предназначенной для гражданских лиц, вызовет дискуссию на Дипломатической конференции, но этого не произошло. Наоборот, Третья комиссия была завалена проектами поправок, которые предлагались участниками Конференции, стремившимися превзойти друг друга в этой области. Но наблюдалась и другая тенденция — смягчить обязательства, налагаемые на государства, и заменить безусловные требования менее жесткими формулировками[133].

Следует признать, что по сравнению с проектом конвенции, выработанным на Стокгольмской конференции Красного Креста, в тексте Конвенции IV содержится больше ограничений. Такое положение объясняется стремлением обеспечить взвешенный учет интересов (и это было чрезвычайно трудно), с одной стороны, стран, которые были оккупированы во время Второй мировой войны и могли с трудом отказаться

133 Протокол заседания Президентского совета от 19 мая 1949 г., Архив МККК.

от точки зрения жертв войны при рассмотрении обсуждаемых проблем, а с другой стороны, государств, которые не пострадали от оккупации, сами находились по окончании войны в положении оккупирующей державы и желали защитить свои законные интересы[134]. И тем не менее принятие этой Конвенции явилось значительным достижением в области международного гуманитарного права.

Прежде чем закончить этот раздел, отметим, что уже вне рамок дискуссии по Конвенции о гражданских лицах советская делегация вынесла на рассмотрение Дипломатической конференции проект резолюции, осуждающей применение оружия массового уничтожения, в частности — атомного оружия.

В ней говорилось:

«Конференция решает, что (...)

c) Правительства всех государств обязаны добиться подписания Конвенции, касающейся запрещения атомного оружия как средства массового уничтожения населения»[135].

Мотивируя выдвижение такого предложения, глава советской делегации заявил: «Процесс рассмотрения проекта Конвенции о защите гражданского населения во время войны подходит к концу. (...) Его главный недостаток состоит в том, что он не содержит достаточных гарантий, обеспечивающих защиту гражданского населения от самых страшных последствий современной войны. (...) Не вызывает сомнения, что Конференция, которая созвана с целью выработки текста четырех Конвенций, касающихся защиты жертв войны, не может обойти молчанием этот вопрос (...)»[136].

Однако в письме, направленном председателю Конференции, главы делегаций 15 государств выразили протест против рассмотрения этого вопроса на Конференции[137]. Они считали, что принятие подобной резолюции не входит в компетенцию Дипломатической конференции по следующим причинам:

1) В приглашении швейцарского правительства и прилагаемых к нему документах однозначно говорилось, что целью Конференции

134 *Gutteridge, op. cit.* (примечание 95), p. 326.

135 Actes 1949, III, annexe 396, p. 183.

136 Actes 1949, II A, p. 745.

137 Австралия, Бразилия, Великобритания, Венесуэла, Италия, Канада, Китай, Колумбия, Куба, Новая Зеландия, Пакистан, США, Уругвай, Франция и Чили, Actes 1949, III, annexe 395, pp. 182–183.

является подготовка новых Конвенций, касающихся защиты жертв войны, на основе четырех проектов, утвержденных XVII Международной конференцией Красного Креста. Ни разу швейцарское правительство не говорило, что на Конференции будет рассматриваться вопрос о том, какие виды вооружений можно применять, а в четырех вышеуказанных проектах речь шла о жертвах войны, а не об оружии.

2) Этот вопрос уже рассматривала наиболее авторитетная из существующих международных организаций — Организация Объединенных Наций[138].

Советская делегация тщетно пыталась доказать, что, выдвигая свое предложение, она не намеревалась добиваться того, чтобы Дипломатическая конференция запретила применение оружия массового уничтожения или потребовала от правительств немедленного заключения соответствующей конвенции, а просто сделала заявление рекомендательного характера. Кроме того, по мнению советского представителя, в этой резолюции не было ни одного положения, ставившего под сомнение компетенцию ООН в этом вопросе; наконец, этот документ соответствовал, по его словам, 24 резолюции XVII Международной конференции Красного Креста, касающейся оружия неизбирательного действия[139].

После высказывания аргументов сторонниками и противниками этого предложения Пленарная ассамблея должна была принять решение о том, следует ли его рассматривать, и она его отклонила.

Хотя швейцарская делегация не подписала письмо, требующее не рассматривать данный вопрос на Конференции, она все же голосовала против советского предложения. Объясняла она это тем, что во время подготовки Дипломатической конференции, чтобы повысить ее шансы на успех, швейцарское правительство вынуждено было предоставить приглашенным правительствам «заверения в том, что Конференция будет рассматривать исключительно вопросы пересмотра трех Конвенций 1907 г. и 1929 г. и подготовки новой Конвенции о защите гражданского

138 В 1946 г. на заседании Комиссии по атомной энергии ООН СССР отклонил план американского делегата Баруха, который предложил создать международный орган по контролю за производством и использованием атомной энергии. Советский Союз, который отставал в ту пору от Америки в этой области, выступал за запрещение использования атомной энергии в военных целях и за уничтожение существующих бомб.

139 Dix-Septième Conférence internationale de la Croix-Rouge tenue à Stockholm du 20 au 30 août 1948, Compte rendu. Stockholm, Croix-Rouge suédoise, p. 97.

населения во время войны, не выходя за рамки гуманитарного права и не затрагивая политической области»[140].

МККК не участвовал в этих дебатах, носивших слишком политический характер в условиях происходивших тогда «холодной войны» и гонки вооружений. Однако уловки процедурного характера, к которым прибегали участники, чтобы не обсуждать этот вопрос по существу, произвели на его представителей довольно тяжелое впечатление[141].

5. МККК и новые Конвенции 1949 г.

Вплоть до 1929 г. позитивное международное право не предоставляло МККК никакой правовой базы для осуществления его деятельности: он не упоминался ни в Женевских конвенциях 1864 г. и 1906 г., ни в Гаагских конвенциях. Первое упоминание о МККК содержится в Конвенции 1929 г. об обращении с военнопленными, которая предоставляет ему право предлагать державам создать Центральное справочное агентство по делам военнопленных (статья 79), а также — и это очень важно — признает за ним то, что МККК называет правом инициативы. В статье 88 говорится, что положения Конвенции не являются препятствием для гуманитарной деятельности, которую Международный Комитет Красного Креста сможет осуществлять в целях защиты военнопленных с согласия заинтересованных воюющих сторон.

Именно на основе этого положения МККК осуществлял практически все виды деятельности во время Второй мировой войны, пользуясь той свободой действий, которая была ему таким образом предоставлена, чтобы предлагать свои услуги в случаях, специально не предусмотренных в Конвенциях, в том числе и в таких ситуациях, когда нормы Конвенций вообще не применялись или не рассматривались в качестве применяемых положений[142].

Обогатившись этим опытом и осознавая невозможность предусмотреть все особенности будущих войн, МККК придавал первосте-

140 Actes 1949, Compte rendu de la 34e séance plénière, II B, pp. 496–511.

141 Протокол заседания Президентского совета от 7 июля 1949 г. и рабочего заседания Комитета от 11 августа 1949 г., Архив МККК. В апреле 1950 г. МККК обратился к государствам, подписавшим Конвенции, с призывом «сделать все возможное, чтобы достичь согласия по вопросу запрещения атомного оружия, а также всех видов оружия неизбирательного действия». См. Appel du Comité international de la Croix-Rouge du 5 avril 1950 concernant les armes atomiques et les armes aveugles. Réponses des gouvernements. Genève, CICR, 1952.

142 *Jean S. Pictet*. Le Comité international de la Croix-Rouge dans les nouvelles Conventions de Genève. — RICR, n° 425, mai 1954, pp. 353–367, 354.

пенное значение своему праву инициативы, которое гарантировало ему независимость и гибкость, позволяющие оказывать помощь жертвам даже в ситуациях, не предусмотренных правом. Если в новых Конвенциях МККК должен был упоминаться хотя бы один раз, то именно в таком контексте, и необходимо было сделать все, чтобы сохранить это упоминание[143].

Дипломатическая конференция 1949 г. подтверждает право инициативы МККК (это проходит без какого-либо обсуждения) и закрепляет его в четырех Женевских конвенциях 1949 г. (статьи 9, 9, 9, 10). Более того, признается, что он может пользоваться этим правом в ситуациях, к которым применяются положения статьи 3, общей, то есть в случае немеждународных вооруженных конфликтов, что особенно важно для такого типа конфликтов, когда помощь неприятелю часто воспринимается как помощь, оказываемая преступникам, или как вмешательство во внутренние дела государства.

Два других упоминания о МККК, которые в то время Международный Комитет считал «очень желательным» и «желательным», касаются в первом случае Центральных справочных агентств, а во втором — роли делегатов[144].

Дипломатическая конференция подтверждает компетенцию МККК в отношении Центрального справочного агентства по делам военнопленных, которому предоставляются расширенные полномочия, а также льготы и средства, позволяющие ему наилучшим образом справляться со своими задачами (статьи 123 и 124 Конвенции III). Эти полномочия предоставляются также Центральному агентству по делам гражданских лиц, создание которого предусмотрено в статье 140 Конвенции IV.

Что касается роли делегатов МККК, то отныне она зафиксирована в Конвенциях, чего не было ранее, хотя во время Второй мировой войны делегаты осуществили 11 тысяч посещений лагерей. В соответствии со статьями 126 Конвенции III и 143 Конвенции IV, в которых рассматриваются вопросы контроля, делегаты МККК обладают теми же правами, что и представители Держав-покровительниц. Так, им разрешено посещать все места, где находятся военнопленные, беседовать без свидетелей с ними, а также с их доверенными лицами. Им предоставляется полная

143 «Общие указания представителям МККК на Дипломатической конференции 1949 г.», конфиденциальный документ без даты и подписи, Архив МККК — CR 221. Протокол заседания Президентского совета от 5 и 12 мая 1949 г., Архив МККК.

144 Там же.

свобода в отношении выбора мест, которые они пожелают посетить; периодичность и продолжительность посещений не ограничивается. Это же относится и к посещению всех мест, где находятся покровительствуемые гражданские лица, в том числе мест интернирования, заключения и их работы. Эти статьи действительно предоставляют МККК право доступа к военнопленным и интернированным гражданским лицам; государство же, которое откажет ему в доступе к таким лицам, нарушит Женевские конвенции.

Назовем еще несколько видов деятельности, при рассмотрении которых упоминается МККК (о некоторых из них мы уже говорили выше): передача посылок помощи военнопленным, интернированным гражданским лицам и населению оккупированных территорий; использование МККК в качестве возможного субститута Держав-покровительниц; право использовать эмблему красного креста; оказание добрых услуг в случае разногласия между сторонами в конфликте по поводу применения положений Конвенций; организация санитарных зон и зон безопасности; создание смешанных медицинских комиссий.

В целом МККК или Центральное справочное агентство упоминаются почти в 60 статьях, а это — около половины статей, содержащихся в Конвенции IV. Таким образом, МККК получил широкое международно-правовое признание.

Заключение

Принятие четырех Женевских конвенций 1949 г. всеми членами международного сообщества[145] в то время, когда мир был разделен на два противоборствующих блока, а «холодная война» достигла своего апогея[146], явилось настоящей победой и придало им особую значимость.

Свою роль в этом процессе сыграло, несомненно, и моральное потрясение, вызванное ужасами Второй мировой войны. Как мы в этом убедились, в ходе дискуссий, развернувшихся на Дипломатической конференции, возобладало желание устранить последствия тех огромных страданий, которые причинил человечеству этот мировой конфликт, что позволило преодолеть расхождения во мнениях.

145 За исключением двух побежденных великих держав, которые, впрочем, вскоре присоединились к этим международно-правовым актам: Япония — в 1953 г., Федеративная Республика Германия — в 1954 г., Германская Демократическая Республика — в 1956 г.

146 Напомним, что блокада Берлина длилась с июня 1948 г. по май 1949 г.

В этом смысле Женевские конвенции преследовали те же цели, что и принятая ООН за восемь месяцев до них Всеобщая декларация прав человека, подтверждая некоторые из провозглашенных в этой Декларации основных прав человека[147]. Женевские конвенции были приняты в благоприятный период, и заслуга МККК состоит в том, что он сумел этим воспользоваться, хотя заранее о победе трудно было говорить. Об этом свидетельствуют слова, сказанные Жаном Пикте на одном из заседаний Юридической комиссии МККК: «Не следует готовить себя к проигрышу. После тех страданий, которые причинила война, общественное мнение на нашей стороне. Наступил благоприятный момент для того, чтобы добиться успехов в области гуманитарного права. Необходимо требовать как можно больше, а позиции для отступления должны быть надежно засекречены»[148]. Международный Комитет взял на себя большую часть организационной работы, и прекрасная подготовка Дипломатической конференции в значительной степени способствовала ее успеху.

Конвенции 1949 г., которые быстро приобрели универсальный характер[149], внесли существенный вклад в развитие международного гуманитарного права: они расширили его сферу применения (это относится как к категориям покровительствуемых лиц, так и к видам конфликтов), укрепили его; разработчики этих документов постарались приспособить их к новым условиям ведения войн. При всех своих недостатках эти Конвенции восполнили самые серьезные пробелы, выявленные во время Второй мировой войны и предшествовавших ей конфликтов.

Так же как и другие жертвы войны, в соответствии с новой Конвенцией покровительством теперь стали пользоваться гражданские лица — иностранцы, находящиеся на территории неприятельского государства, и население оккупированных территорий[150]. Принятие Женев-

147 Actes 1949, II B, p. 541, discours de Max Petitpierre, président de la Conférence diplomatique, lors de la cérémonie officielle de signature du 8 décembre 1949; *Gutteridge, op. cit.* (примечание 95), p. 325; *de La Pradelle, op. cit.* (примечание 81), p. 7; *Claude Pilloud.* La déclaration universelle des droits de I'homme et les Conventions internationales protégeant les victimes de la guerre. — RICR, n° 364, avril 1949, pp. 252–258. См. также *Робер Кольб.* Взаимосвязь международного гуманитарного права и права прав человека. Из истории создания Всеобщей декларации прав человека и Женевских конвенций. — МЖКК, № 22, сентябрь 1998 г., с. 493–504.

148 Протокол заседания Юридической комиссии от 16 января 1948 г., Архив МККК — CR 211.

149 К началу 1999 г. участниками четырех Женевских конвенций 1949 г. являлись 188 государств.

150 Но даже если бы Конвенция IV существовала и раньше, она лишь частично смогла бы уберечь гражданских лиц — граждан Германии — от бесчинств, совершенных Третьим

ской конвенции IV, которое Президент МККК Пауль Рюггер[151] назвал «чудом», явилось историческим событием: «То, чего Красный Крест добился от правительств с помощью первой Конвенции об улучшении участи раненых и больных, которые в те времена были почти единственными жертвами войны, то, чего он добился для военнопленных в 1929 г. (уважительное отношение к человеку без оружия и страдающему), можно сравнить с тем, чего добился Красный Крест для всех некомбатантов, которые так же, как и комбатанты, если не больше, страдают от последствий современных войн»[152].

Что же касается комбатантов, то не только они получили более конкретные и широкие права — появились также новые категории лиц, которые имеют право на статус военнопленных: к ним, в частности, теперь относятся члены движений сопротивления, а также вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства, которое не признано держащей в плену державой.

Основополагающие гуманитарные принципы, веру в которые поколебали многочисленные бесчинства, совершенные во время Второй мировой войны, были вновь подтверждены и включены в конкретные нормы запретительного характера.

Благодаря системе Держав-покровительниц и их субститутов укрепился контроль за применением Конвенций; повысилась эффективность пресечения нарушений за счет введения специального режима, предусматривающего ответственность государств за серьезные нарушения, вытекающую из принципа универсальной юрисдикции.

Одним из главных достижений является статья 3, общая, которая позволяет применять основополагающие гуманитарные принципы четырех Женевских конвенций 1949 г. в период немеждународных вооруженных конфликтов. Многочисленные внутренние конфликты, которые происходили с тех пор, наглядно показали насколько важна эта статья.

Что же касается МККК, то в Конвенциях неоднократно упоминается его деятельность в интересах жертв войны, что означает подлинное международное признание этого учреждения. Но главное заключа-

рейхом; речь, в частности, идет о немцах еврейской национальности. За исключением положений раздела II, касающихся общей защиты населения от некоторых последствий войны, Конвенция не применяется к подданным того или иного государства-участника.

151 Протокол заседания Юридической комиссии от 11 ноября 1949 г., Архив МККК — CR 211.

152 *Frédéric Siordet*. La Conférence diplomatique de Genève. — RICR, n° 368, pp. 554–557, 555.

ется в том, что Конвенции подтверждают его право инициативы, это позволяет МККК предлагать свои услуги в любой ситуации конфликта, повсюду, где он считает свою деятельность необходимой.

Можно только сожалеть, что Дипломатическая конференция 1949 г. не рассмотрела вопрос об общей защите гражданского населения от бомбардировок с воздуха[153], а создание санитарных зон и зон безопасности, предназначенных для некоторых категорий лиц, предусмотрела лишь в необязательном порядке. По словам Франсуа Бюньона, «в конце концов пришли к парадоксальному результату: Дипломатическая конференция пересмотрела в мельчайших деталях все нормы, защищающие жертв войны, но действенности общего принципа неприкосновенности гражданского населения, который лежит в основе едва ли не всех гуманитарных норм, в частности — IV Конвенции, только что принятой той же Конференцией, мешала явная неопределенность»[154]. Но этот вопрос относился к гаагскому праву, определяющему права и обязанности воюющих сторон при ведении боевых действий и ограничивающему выбор средств для нанесения ущерба противнику, а не к женевскому праву, предоставляющему защиту лицам, вышедшим из строя, не принимающим участия в боевых действиях и оказавшимся во власти неприятеля[155]. А пересмотр Гаагских конвенций не стоял на повестке дня Дипломатической конференции[156], которая не пожелала ее расширять[157].

Дипломатическую конференцию упрекали и в том, что она «хорошо подготовилась к прошедшей войне»[158], то есть в том, что она разработала конвенции, исходя, по преимуществу, из опыта Второй мировой войны, и в недостаточной мере предусмотрела возникновение новых типов кон-

153 А если этот вопрос и рассматривался, то вне рамок обсуждения основных тем, в связи с предложением советской делегации запретить применение атомного оружия, см. выше, с. 127–129.

154 *François Bugnion, op. cit.* (примечание 2), pp. 837–838.

155 Это разграничение двух отраслей международного гуманитарного права утратило актуальность с принятием в 1977 г. двух Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям, в которых рассматриваются вопросы, относящиеся как к гаагскому, так и к женевскому праву.

156 Это не касалось X Конвенции 1907 г. о применении к морской войне начал Женевской конвенции, которая — и на это указывает ее название — относилась к женевскому праву.

157 Точно так же Проект правил, ограничивающих опасность, которой подвергается гражданское население во время войны, предложенный МККК на XIX Международной конференции Красного Креста (Дели, 1957 г.), не получил поддержку правительств, в том числе и потому, что предусматривал запрещение применения ядерного оружия.

158 *Pictet, op. cit.* (примечание 47), p. 12.

фликтов, которые вскоре стали происходить в рамках деколонизации — национально-освободительных и партизанских войн.

Эти два вопроса выйдут на первый план, когда почти через 20 лет МККК приступит к новому этапу развития международного гуманитарного права, который приведет к принятию двух Дополнительных протоколов от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.[159] В эти международно-правовые акты были включены специальные положения, обеспечивающие общую неприкосновенность гражданского населения и запрещающие нападения неизбирательного характера, в том числе и бомбардировки с воздуха. Дополнительный протокол I приравнял национально-освободительные войны к международным вооруженным конфликтам, а Дополнительный протокол II дополнил статью 3, общую для Женевских конвенций.

Следует отметить, что Дипломатическая конференция 1949 г. в целом достигла поставленных перед ней целей. В основе четырех Женевских конвенций, несомненно, лежит компромисс между гуманитарными требованиями, с одной стороны, и военной и политической необходимостью — с другой. По словам Жана Пикте, этот компромисс и составляет «суть права вооруженных конфликтов»[160]. Многие авторы того времени единодушно признают, что в 1949 г. предпочтение было отдано гуманности. Но в конечном счете подлинная эффективность Женевских конвенций в значительной степени будет зависеть от желания воюющих сторон их соблюдать.

159 Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) и Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). — О том, что лежит у истоков этого нового этапа в развитии международного гуманитарного права, см. *Jean Pictet.* La restauration nécessaire des lois et coutumes applicables en cas de conflit. — RICR, n° 609, septembre 1969, pp. 533–553, p. 546 et suiv.

160 *Pictet, op. cit.* (примечание 47), p. 16.